

Въ царствѣ поэтовъ.

Комедія-фарсъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

В. Корнеліевой.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ, 24-го октября 1892 г. № 5002.

Одобрена театрално-литературнымъ комитетомъ для представленія на сценѣ Императорскихъ театровъ.

(Представлена въ 1-й разъ на сценѣ Александринскаго театра, 29-го октября 1892 г., въ бенефисъ г-жи Абариновой).

Разрѣшеніе постановки на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общ. Русск. Драм. Писат.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Петръ Петровичъ Чугуевъ, помѣщикъ	1. Шевченко.
Анна Ивановна, его жена	1-жа Пономаревская.
Вѣра, 22-хъ лѣтъ. }	1-жа Градовская.
Женя, 20-ти > } ихъ дѣти	1-жа Крылова.
Вася, 16-ти > }	1-жа Корнева.
Зоя, 14-ти лѣтъ, сирота, находящаяся подъ опекой Чугуева	1-жа Соловьева.
Илья Сергѣевичъ Дроздовъ	1. Дмитріевъ.
Владиміръ Львовичъ Брянскій	1. Усачевъ.
Федоръ Андреевичъ Щераловъ, пожилой господинъ, чиновникъ изъ Петербурга	1. Осокинъ.
Митричъ, мужикъ	1. Борисовъ.
Фаддѣвна, }	1-жа Виноградова.
Постниковъ, } прислуга у Чугуевыхъ	1. Степановъ.
Дѣвушка, }	1-жа Александрова 2.
Толпа крестьянскихъ дѣтей.	

Дѣйствіе происходитъ въ нѣмнѣ Чугуевыхъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

(Въ глубинѣ большой помѣщичій домъ, стоящій фасадомъ къ публикѣ—въ два этажа. Внизу балконъ со ступеньками, на верху балкона нѣтъ, только окна. Возлѣ дома шесть съ колоколомъ. Передъ домомъ садъ. Съ лѣвой *) стороны, подъ липами, большой столъ; возлѣ него скамейка и дачные стулья. Скамейка съ правой стороны).

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Фаддѣвна и Митричъ.

Фадд. (выходитъ съѣвъ, имѣя въ рукахъ нѣсколько паръ чистенныхъ сапоговъ).

Митр. (выходитъ справа). Здравствуй, тетка Фаддѣвна!

Фадд. Здравствуй, Митричъ. Ты затѣишь пришесть?

Митр. Къ барышнѣ-съ. Барышню Вѣру Пет-

*) Всѣ указанія отъ исполнителей.

ровну повидать-бы надо: корова вишь захворала, такъ я за лекарствомъ пришелъ.

Баба. Барышня еще почиваютъ.

Митр. Почиваютъ? Что ты, тетка Баба! солнце на семь часовъ ужъ пошло, а барышня Вѣра Петровна съ солнышкомъ, да птичками всегда поднимаются.

Баба. Нѣтъ, Митричъ, прошло то время: у насъ нонче все на другой манеръ.

Митр. Ну?

Баба. Нонче все самъ старикъ дѣлаетъ, а молодые господа только къ восьми еле выбравутся.

Митр. Что-же съ ними за напасть приключилась?

Баба. А приключилась съ ними, сердешный, такая напасть, что никакими травами ее изъ нутра не выгонишь. Писательская напасть!

Митр. Какая?

Баба. Писательская.

Митр. Что ты, Баба! У насъ такой здѣсь и не слышали.

Баба. Мало-ли что не слышали: это вотъ наши гости соколы ее изъ Питера привезли.

Митр. Какіе гости?

Баба. А два молодыхъ барина: Илья Сергѣевичъ, да Владислѣвъ Львовичъ. Они съ нашими барышнями у ихней тетки въ Питерѣ познакомились. Они-то болѣсть и привезли.

Митр. Да что-же это за болѣсть? Втолкуй ты мнѣ!

Баба. И днемъ и ночью наши молодые господа сидятъ, да пишутъ. Напишутъ, разорвутъ, и опять напишутъ. Прокаются такъ цѣлую ночь, утромъ-то ихъ не добудисься: — это вотъ самая писательская болѣсть то есть!

Митр. Ужъ истинно, что болѣсть!

Баба. Заходи ужъ послѣ обѣда.

Митр. Безпремѣнно зайдемъ. Прощенья проси!

Баба. Прощай, Митричъ! (Уходитъ въ домъ.)

Митр. (уходитъ направо).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Брянскій (одинъ).

(Одно изъ оконъ 2-го этажа раскрывается.)

Бр. (у окна). Господи, какая благодать! Вотъ ужъ истинно гдѣ можно сказать: «воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка». (Говоритъ во внутрь комнаты.) Илья, вставай! Не стыдно-ли тебѣ: самое хорошее время проспанишь.

Голосъ Др. Убирайся къ чорту! дай мнѣ спать.

Бр. А ну, тебя! валяйся пожалуй. (Смотритъ на часы.) Безъ четверти семь: значить я еще успѣю побродить по лѣсу до чаю! (Исчезаетъ изъ окна, слышится стукъ и са-

дится возмъ стала подъ липами пить молоко.)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Брянскій и Дроздовъ.

Др. (показывается въ томъ-же окнѣ, закутанный въ одеяло; лицо заспанное). Опять ты меня, Володька, спозаранку разбудилъ! Вѣдь я же просилъ не тревожить меня.

Бр. (нѣтъ молока). Я не понимаю, Илья, почему ты не пользуешься утромъ? Эта-то свѣжесть и навѣваетъ самыя свѣтлыя грѣзы, — всѣ лучшія мои стихотворенія написаны именно утромъ.

Др. Я могу писать только, когда всѣ здѣшніе спать уходятъ, тогда стихаетъ по крайней мѣрѣ безцѣльная каждодневная сутолока, все сползаетъ... Какъ-то спокойнѣе становится на измученной душѣ, и можешь сколько нибудь сосредоточиться.

Бр. Нѣтъ, Илья, ты совсѣмъ не поэтъ, ты — прозаикъ. Подумай только, какъ приятно лечь теперь въ лѣсу, на краю какого нибудь оврага, и смотрѣть въ голубое небо до тѣхъ поръ, пока, по словамъ Гейне, душа не наполнится голубыми образами.

Др. Сдѣлай одолженіе, рыскай по лѣсамъ, гоняйся по сырости за вдохновеніемъ, только не буди меня... одного прошу.

Бр. Хорошо, въ другой разъ не буду; перестань ворчать!

Др. Чувствую, что скоро начнутъ тревожить въ этотъ проклятый колоколь... Пойду закрою уши большой подушкой: авось удастся опять заснуть. (Закрываетъ окно и скрывается.)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Брянскій (одинъ).

Бр. (встаетъ со скамейки.)

Вѣжнѣ со мною въ лѣсъ душистый,

Вѣжнѣ вдвоемъ весну встрѣчать!

Пускай твой голосъ серебристый

Тамъ будетъ весело звучать!

Скорѣ въ лѣсъ! тамъ я навѣрное окончу это стихотвореніе! (Убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Чугуевъ и Анна Ивановна.

(Чугуевъ выходитъ справа, Анна Ивановна идетъ за нимъ.)

Чуг. Нѣтъ, натушка, и не проси меня! Я сказалъ, что выдеру Васюку, и непремѣнно выдеру! Вѣдь это чортъ знаетъ что такое: — отецъ, старикъ, встаетъ въ четыре часа, а мальчишка, шестнадцатилѣтній полнокосый, вѣдь-сто того, чтобы помогать отцу, въ восьмомъ часу еще глазъ не протиралъ!

Ан. Ив. Ахъ, Петруша, вѣдь не одинъ онъ, Вѣра тоже не встаетъ.

Чуг. Вѣра не ребенокъ, у Вѣры своя голова на плечахъ. Миѣ остается только плакать о ней:—была моя правая рука, а теперь совсѣмъ забросила хозяйство!

Ан. Ив. Да ужъ что говорить: трудно безъ Вѣруши, насилу справляешься...

Чуг. Пишетъ, видите-ли, поэтическій талантъ въ себѣ открыла, вочи на пролетъ строчить! Богъ съ ней! авось, очнется... Но ужъ изъ Васьки-то я писательскую дурь березовой лозой выстегаю! Эй, Оаддѣвна, Оаддѣвна!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Оаддѣвна.

Оадд. (*показываясь на балконѣ*). Что, батюшка?

Чуг. Вели подавать чай и буди молодого барина; честию не встанетъ, за ноги тащи! Слышишь?

Оадд. Слышу, батюшка. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Чугуевъ и Анна Ивановна, потомъ дѣвушка.

Чуг. Жена встала?

Ан. Ив. Да, Петруша, я видѣла, она въ лѣсъ пошла.

Чуг. Что-жъ, и вчера она съ ребятшками не занималась?

Ан. Ив. Нѣтъ, Петруша.

Чуг. Господи, да за что-же это?! И вторая дочь также необыкновенную искру въ себѣ почувствовала, принялась бумагу изводить. Вѣдь жила она себѣ спокойно, дѣломъ занималась:—дѣтей грамотѣ учила, дѣвчонокъ крошечку того работала разныхъ. (*Входитъ дѣвушка, приноситъ чайный приборъ и ставитъ его на столъ*.) Нѣтъ, вѣдь принесла-же легкая поэтесса изъ столицы, совсѣмъ сбили съ толку моихъ дѣвчонокъ! Вотъ ужъ истинно говорить, что на кого небо гнѣвается, то посылаетъ поэтическій зудъ.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Оаддѣвна.

Оадд. (*показываясь на балконѣ*). Не встаетъ, батюшка. Будила, да не встаетъ.

Чуг. (*вскрикивая*). Какъ не встаетъ?

Ан. Ив. Петруша, не кричи, вѣдь ты гостей разбудишь!

Чуг. А, да кой чортъ имъ до вашихъ гостей! Они у меня столпотвореніе въ домѣ подняли, да я же еще и церемонюсь съ ними! (*Оаддѣвна уходитъ*.) Поди позови Постникова! (*Оаддѣвна уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Чугуевъ и Анна Ивановна.

Чуг. Я заставлю звонить его до тѣхъ поръ, пока всѣ заспанные звѣри изъ берлогъ не по-вылѣзутъ. (*Дѣвушка приноситъ кипящій са-*

моваръ; Ан. Ив. идетъ къ столу заваривать кофе и чай.) А мало будетъ этого звона—и вѣчевой колоколъ новѣшу, въ набѣтъ бить стану!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и Постниковъ.

Чуг. (*Постникову*). Валий по всю ночь, не стѣсняясь: на нов уши эта музыка пріятно дѣйствуетъ.

(*Нѣсколько секундъ сильный звонъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и Щераловъ.

Щер. (*выходитъ слева*).

Чуг. (*идя къ нему на встрѣчу*). А, Оаддѣ, здравствуй! (*Постникову*.) Довольно, перестань! ступай себѣ! (*Постникова уходитъ*.) Уже всталъ? Молодчина! Садись, давай кофе и чай распивать.

Щер. (*кланяясь Ан. Ив. и цѣлуя ея руку*). Съ добрымъ утромъ, Анна Ивановна! Ан. Ив. Здравствуйте, Федоръ Андреевичъ.

Щер. (*садясь*). Я услышалъ колоколъ... думаю, надо идти браннымъ плоть поддерживать.

Ан. Ив. Вамъ кофе или чай?

Щер. Кофе пожалуйста. А я, знаете, такъ, на свѣѣ «легъ, прищура глазки, и мечталъ немножко».

Чуг. Ну, голубчикъ, извини, но къ твоимъ годамъ и къ твоей фizioноміи мечты совсѣмъ не идутъ.

Щер. Дѣло, Петя, не въ лицѣ и не въ количествѣ лѣтъ, а въ положеніи сердца; мое же сердце еще настолько юно, что можетъ не только мечтать о прекрасномъ, но даже и...

Чуг. Что даже?

Щер. Но даже и воплощать мечты въ образы.

Чуг. Пожалуйста, не говори страшныхъ словъ: объясни имъ просто, что ты хочешь сказать, только безъ «образовъ».

Щер. Ахъ, Петя, ты забылъ самую элементарную поэтическую номенклатуру...

Чуг. Это еще что? Прошу тебя, объясняйся по человѣчески.

Щер. Я хочу сказать, что могу выразить свои мечты и въ словѣ, передавать ихъ другимъ людямъ...

Чуг. Т. е. вести другимъ ту же чепуху, которую ты имъ несешь теперь?

Щер. Нѣтъ, Петя,—это значитъ отливать мечты въ стихи.

Чуг. Въ стихи?! (*Вскакивая и хватая Щералова за плечи*.) Ты тоже пишешь стихи?

Щер. Пишу и печатаю.

Чуг. Наше мѣсто свято! Еще одинъ поэтъ! Оаддѣ, да ты здоровѣй-ли, родной мой? Не положишь-ли тебѣ на голову освежающій компрессъ! (*Въ сторону*.) Шутка сказать: человѣку

нѣтъ, десять лѣтъ съ хвостикомъ, нѣтъ солид-
ный тнѣ, и вдругъ застрѣлъ!

Щер. (*обиженно*). Ты кажется принимаешь
меня за ненормальнаго?

Чуг. Да-съ, откровенно сказать, я даже за-
былъ, какъ выглядятъ здоровые люди, у меня
цѣлый домъ одержимъ бѣсами поэзии. Я буду
васъ всѣхъ скоро за деньги показывать! Осо-
бую постройку даже заведу и назову ее ну-
зеевъ доморожонныхъ всероссійскихъ Фебовъ!
(*Вбѣгаетъ Женя съ цѣпями въ волосы*
и съ букетомъ въ рукахъ; Брянскій за нею.)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и Женя и Брянскій.

Чуг. (*всторону*). Ну, поэты собираются! Те-
перь только крѣпись!

Женя. Май нарядный, Богомъ данный,
Къ намъ съ небесъ, снѣлся слѣлъ...

Онъ поэтовъ гость желанный!

Всѣ, кто ногъ, его восхвѣлъ!

(*Цѣлуетъ отца*). Папа, хороши мои новые
стихи? Въ лѣсу сочинила.

Чуг. (*въ сторону*). Начинается! (*Женя*). Не-
дурны—набилетикахъ у паточныхъ леденцовъ
еще хуже бываютъ.

Бр. (*здороваясь съ Чугуевымъ*). Вы черезъ-
чуръ строги, Петръ Петровичъ,—въ стихотво-
реніи Евгениі Петровны есть грація...

Чуг. Въ чѣмъ-же грація? Въ томъ, что у
нея нѣтъ снѣтся и съ неба летаетъ, такъ вѣдь
это чушь, а не грація.

Бр. Это, Петръ Петровичъ, поэтическая пер-
сифраза.

Чуг. Пожалуйста, безъ страшныхъ словъ, да-
веча Федя вздумалъ нѣтъ въ разговоръ пускать,
такъ у меня ужъ въ лѣвонъ ухъ зазвенѣло...
Садитесь-ка лучше, да кушайте!

Женя. Съ наслажденіемъ! Я ужасно голод-
на. (*Садится къ столу; Брянскій возмъ
нел.*)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Зоя.

Зоя (*выходитъ изъ дому*). Bonjour, mon
cher tuteur! (*Цѣлуетъ Чугуева*.)

Чуг. Теперь французженка явилась! Ужъ не
будь на то воля твоей покойной матери, ни-
когда-бы я не оставилъ тебя во французскомъ
пансіонѣ.

Зоя. Сейчасъ видно, mon cher tuteur, что вы
деревенскій житель,—у насъ въ Петербургѣ все
высшее общество говоритъ по французски.

Чуг. Вотъ именно за такіе отвѣты я бы и
взялъ тебя изъ вашего французскаго гнѣзда.
Развѣ ты ребенокъ? Уродъ, скороспѣлка—и
больше ничего. Ходишь и повторяешь чужія
слова, какъ попугай.

Зоя. Осторожите, mon tuteur, я васъ опишу!

Чуг. Опишите? Гдѣ-же, позвольте васъ спро-
сить?

Зоя. Въ одной изъ моихъ пьесъ! (*Выхо-
дитъ изъ дому Вася*.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Тѣ же и Вася.

Чуг. Часъ отъ часу не легче! Еще драма-
тическій писатель въ домъ завелся! Нѣтъ, гос-
пода, я сбѣгу отсюда! Поищите, четырнад-
цатилѣтнія дѣвчонки, которыя въ коротенькихъ
платицахъ должны еще бѣгать,—пьесы сочи-
няютъ! Да развѣ можно жить послѣ этого?

Зоя. Вы сердитесь, mon tuteur, что я вамъ
до сихъ поръ не прочла своихъ пьесъ?.. Такъ
я прочту, честное слово, прочту. Изъ три:
«Дикая страсть», «Окровавленное сердце»....

Чуг. (*перебивая ее*). Отвяжись ты отъ ме-
ня! Я уми себя законпачу, чтобы только не
слышать твоего чтенія!

Вася. Напрасно, папа,—mademoiselle Зоя такъ
хорошо пишетъ! Что ей ни задай, все напи-
шетъ! Я задалъ ей написать пьесу съ загла-
віемъ: «Побѣдила»; я думалъ, что mademoi-
selle Зоѣ не справиться съ воинственнымъ сю-
жетомъ, а ты спроси ее, какъ она выверну-
лась! (*Выходитъ изъ дому Вѣра*.)

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Тѣ же и Вѣра.

Зоя. Очень просто, я представила богатыхъ
родителей, у которыхъ дочь влюбилась въ бѣд-
наго человѣка. Родители не соглашались на
бракъ. Тогда молодая дѣвушка научила моло-
дого человѣка ее увести. Они тайно обвѣнча-
лись, попросили прощенья, и нѣтъ простили. Мо-
раль пьесы: любовь и снѣлость побѣдили упор-
ство.

Чуг. Т. е., если бѣ я былъ твоимъ отцомъ,
какъ-бы я тебя проучилъ за такую мораль.
А ужъ тебя, Васяка!

Вася (*прячется за Вѣру*).

Чуг. О, какъ трогательно! одинъ поэтъ дру-
гого поэта за своей спиной прячетъ! А еще
говорять, что между нашими писателями мало
единодушія. Нѣтъ, ужъ позвольте, Вѣра Пет-
ровна, распорядиться съ вашимъ собратомъ по
оружію, какъ слѣдуетъ. (*Выводя Васю за
ухо на авансцену*.) Ты опять ночью писалъ?

Вася. Писалъ! Я слышалъ сочиняютъ такіе
стихи, что изъ первыхъ, послѣднихъ и сред-
нихъ буквъ выходитъ слово «люблю», а я хо-
тѣлъ такъ сдѣлать, чтобы вышло имя вашей
собаки Трезора. (*Входитъ Дроздовъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Тѣ же и Дроздовъ.

Чуг. Ахъ, психовать ты этакій! На собаку
стихи пишетъ! Что-жъ, дойдешь и до снѣней!
еще новѣе будетъ!

Др. (*здороваясь съ Чулуевым*). И не будет ничего мудреного, если поэты начнут звѣрей воспѣвать: люди такъ живы, такъ черствы сердцемъ...

Чуг. (*съ стороны*). Ну, тѣхъ хоть веселые психонаты, а этотъ сейчасъ все на нанихидный ладъ настроитъ! (*Дроздову*). Вы правы, нынче всѣ гоняются за новизнѣ, Илья Сергѣевичъ. Вы хотите особую поэзію создавать?—Создавайте,—прославитесь и подражателей найдете: «Общество покровительства животнымъ» вамъ благодарственный адресъ поднесетъ.

Др. (*идя къ столу*). Да, я сознаюсь: я пессимистъ. Но кто-же изъ мыслящихъ людей можетъ не быть пессимистомъ? Зачѣмъ мы живемъ, трудимся, учимся? Зачѣмъ, чтобъ въ одинъ прекрасный день къ намъ явилась нежданная гостья—смерть и сказала:—«Пожалуйте, васъ ждутъ».—Да я еще не хочу.—Ну, ну, не разговаривайте, я тороплюсь, у меня много дѣла». Жалкія наріонетки мы, и больше ничего! Доплетъ пружина, кукла дѣлаетъ послѣдній salto mortale и finita la comedia.

Ан. Ив. (*Дроздову*). Я примѣчаю, что вы совсѣмъ не пьете чаю.

Чуг. Никакъ, матушка, и ты заговорила стихами?

Ан. Ив. Ахъ, Петя, я нечаянно...

Вася (*съ презрѣніемъ*). Какіе-же это стихи? Вѣдь всякаго развѣра.

Чуг. (*Васѣ*). Молчи!

Ан. Ив. (*вставая*). Женюша, похозяйничай здѣсь за меня,—нѣтъ пора идти обходѣ по службѣмъ. (*Зоя*). Зоенька, поидежь со мной—ты все-таки нѣтъ поможешь. (*Уходитъ съ Зоей*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Чугуевъ, Брянскій, Дроздовъ, Щераповъ, Вася, Вѣра и Жена.

Чуг. (*Дроздову*). Знаете, что я вамъ скажу, молодой человѣкъ? Богъ дастъ, когда нибудь вы женитесь, будутъ у васъ дѣти, вы и жизнь полюбите.

Др. (*вскочивъ*). Никогда! Развѣ я сѣбѣ передамъ другому лицу ту ненавистную жизнь, которую съ трудомъ волочу самъ? Я не вѣрю въ лучшее будущее и потону, какъ поэтъ Сюлли Прюдонъ, могу сказать одно: «живи только въ сердцѣ моемъ, о вое потомство!»

Вѣра. Нѣтъ, Илья Сергѣевичъ, это слишкомъ жестоко и невозможно.

Др. Почему-же невозможно?

Вѣра. Представьте себѣ, что вы встрѣтите женщину, которая полюбитъ васъ безумно: весь міръ для нея воплотится въ васъ,—неужели же у васъ хватить силы воли оттолкнуть ее?

Др. Не знаю. До сихъ поръ я не встрѣчалъ женщины родной по душѣ: я былъ одинъ, всегда одинъ!

Жена (*вставая*). Довольно, Илья Сергѣе-

вичъ, похоронныхъ разговоровъ! Солнце грѣетъ, въ воздухѣ ароматъ сѣна, все кругомъ улыбается, а вы канитель затанули!

Др. Внновать, простите!

Жена. Послушайте лучше, какіе сейчасъ Федоръ Андреевичъ нѣ стихи сочинилъ,—гекзаметромъ написано, предупреждаю, въ подраженіе Гомеру! (*Щерапову*). Читайте, читайте!

Щер. (*встаетъ, идетъ на авансцену и читаетъ*).

Рай общаешь ты полный, прелестная чудная дѣва!

Въ страсть признанія жгучія слышишь ты слова и слѣва...

Я для Чулуевской дщери не знаю много напѣва!

(*Всѣ стараются удержаться отъ смѣха*.) Что, господа, хорошо?

Чуг. Еще бы не хорошо: рай, страсть, дщери! Гомера за поясъ заткнулъ!

Щер. Вотъ видишь, Петя! а ты не вѣрилъ въ мой талантъ, еще за чаемъ сѣбялся надо мною...

Чуг. И теперь сѣбю; да но я одинъ—всѣ надъ тобой сѣются, а ты словно ничего не замѣчаешь!

Щер. Какъ, господа, вы сѣветесь надо мною? И вы, Евгенія Петровна? Я хотѣлъ вамъ книжечку своихъ стихотвореній подарить, которую недавно отпечаталъ, а вы вдругъ тапъ! (*Чугуеву*). Да, Петя, представь,—мои стихи никто не покупаетъ!

Чуг. Неужели?

Щер. Спрашиваю я одного критика: отчего меня не покупаютъ? Оттого, говоритъ, что вы пишете очень субъективно. Я ему возражаю: но въдѣ и Пушкинъ и Гете тоже много писали о любви и о своихъ возлюбленныхъ.—Да, говоритъ, они точно писали объ этомъ, но только они были объективны въ своемъ субъективизмѣ. Ты понимаешь, Петя, это значить...

Чуг. И понимать не желаю. Знаю только, что твои стихи ни къ чорту не годятся. Поидежь-ка лучше на сѣнокосъ! Васька, готовъ?

Вася. (*который за чаемъ все что-то писалъ на буматъ, вскакиваетъ*). Готовъ! сочинилъ! Поздравь, пана, новую форму стиха придумалъ:—анапестъ соединилъ съ дактилемъ, яибъ съ хореемъ!

Чуг. Да, засохни ты, дуракъ! брось ерундить!

Вася. Ахъ, пана, ты вѣрно забылъ эти названія? Такъ я тебѣ напомнимъ: барабанъ, напр. анапестъ, ласточка—дактиль, папа—хорей, квашня—яибъ...

Чуг. Яибъ—это ты, дуракъ! Ступай косить! Всѣ твои бредни оставь! Будешь не хорошо работать, такъ смотри у меня: я тебѣ такой анапестъ пропишу—гекзаметромъ, понимаешь? (*Женѣ*). Жена, ты идешь заниматься? Тамъ ребята уже навѣрно пришли.

Меня. Ахъ, паночка, пусть они погуляютъ еще недѣлю, дай мнѣ отдохнуть отъ педагогики, такъ хочется съ головой окунуться въ поэзію.

Чуг. Хорошо, ныряй въ своей поэзіи, я ихъ отпущу... но помни: они уже вторую недѣлю не занимаются. Жена, вѣдь ты знаешь, земская школа отъ насъ далеко; мало кто изъ дѣтей туда зимой ходитъ...

Меня. Я знаю, папа...

Чуг. Тебя зимой тоже здѣсь вѣтъ: въ Петербургъ къ теткѣ увѣжаешь; только весной, да ненного лѣтокъ ты съ дѣтьми и занимаешься. Дѣвченки, кромѣ того, отъ тебя разныхъ кружевныхъ узорамъ учатся, вышиванію... научатся, и въ продажу станутъ дѣлать.

Меня. Я не знаю...

Чуг. Вотъ что мнѣ нужно; а блажи-то твои, твоего поэтического нырянья, поѣвъ, никому не нужно!

Меня. Паночка, не можетъ безъ меня, что нибудь выйдетъ:—вотъ Владиміръ Львовичъ говоритъ...

Чуг. (*перебивая ее*). А ты не слушай, что онъ говоритъ, а слушай отца:—я дѣло говорю.

Бр. Напрасно вы меня обижаете, Петръ Петровичъ! (*Женѣ*.) Евгения Петровна, вашъ отецъ правъ: грѣшно бросать занятіе съ дѣтьми. Вы хотите писать, пишите, но не оставляйте добраго дѣла.

Меня. (*протыкая Брянскому руку*). Спасибо вамъ, Владиміръ Львовичъ! (*Подходя къ Чугову*.) Дамъ тебѣ слово, папа, не лѣнись больше. (*Прлуется отца*.) Я сейчасъ-же пойду къ новымъ ребятишкамъ. (*Брянскому*.) Владиміръ Львовичъ, не хотите-ли взглянуть на нихъ?

Бр. Съ большинствомъ удовольствіемъ. Если позволите, я постараюсь вамъ даже помочь. (*Уходятъ вдвоемъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Чугуевъ, Дрездовъ, Щераповъ, Вася и Вѣра.

Чуг. (*Внѣ*.) Вѣрочка, а ты бы пошла распорядиться по хозяйству: тамъ крестьяне пришли, они хотятъ брать камышъ съ нашего берега, такъ заключи съ ними условіе. Мнѣ некогда, я на сѣнокосъ тороплюсь.

Вѣра. Ахъ, папа, оставьте меня! Я такъ устала отъ нашей постоянной суеты. Пусть ихъ берутъ камышъ, сколько хотятъ... не все-ли вамъ равно?

Чуг. Мнѣ-то все равно, я вѣдь для васъ стараюсь.

Вѣра. И мнѣ тоже все равно, оставьте меня въ покоѣ. Я почти безвыѣздно въ мірнѣ живу, всѣ дѣла ваши веду... дайте же мнѣ отдохнуть душой, выплакаться въ стихахъ.

Чуг. Ужъ ты, пожалуйста, уставшую душой не развѣгивай... Да и плакать то тебѣ не о чемъ. Знаю я, откуда такіе вѣтронъ по-

дуло,—(*Указывая на Дрездова*.) Все человѣко-ненавистникъ тебѣ напѣлъ!

Вѣра. Папа!

Чуг. Да что, папа! Развѣ я не вижу? Илья Сергѣевичъ наговорилъ тебѣ изрядную толку дутыхъ словъ, а ты уши и развѣсила! (*Дрездову*.) Только не хорошо это, Илья Сергѣевичъ, съ вашей стороны, вы у меня помощнику отбили.

Др. Пожалуйста не стѣсняйтесь, Петръ Петровичъ, у васъ на губахъ желаніе попросить меня, чтобы я оставилъ ваши Лары и Пенаты, такъ и попросите,—вашъ поступокъ нисколько не извинитъ моего возрѣнія на людей вообще: я не вѣрю ни во что, даже въ славянское гостепріимство.

Чуг. Ахъ, до гостепріимства-ли мнѣ, милостивый государь, когда у меня въ домѣ все вверхъ дномъ пошло. Васька, Федя, идемъ! (*Беретъ ихъ подъ руки*.) Вы видите, благія небеса, что я провелъ сегодня чаепііе среди поэтовъ, что я иду косить среди поэтовъ и что я рискую сойти съ ума среди поэтовъ! Сколько грѣховъ мнѣ отпустится за это?! Тьфу, чуть въ рѣну не сказалъ! (*Уходятъ троимъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Дрездовъ и Вѣра.

Др. Позвольте передъ отъѣздомъ пожелать вамъ всего лучшаго, Вѣра Петровна.

Вѣра. Какъ, вы хотите уѣхать?

Др. Согласитесь сами, что-же мнѣ больше остается дѣлать? Вашъ отецъ слишкомъ неделикатенъ.

Вѣра. Не обращайтесь вниманія, Илья Сергѣевичъ, на его воркотню. Папа очень добрый, только съ ногъ до головы патриархальный человѣкъ. Нарушено обычное теченіе его жизни, онъ и сердится... Подумайте за то, какъ я вамъ благодарна!

Др. Вы — мнѣ, за что?

Вѣра. До вашего пріѣзда я только пила, ѣла, спала, вела хозяйство, читала всевозможныя агрономическія книги и совсѣмъ не интересовалась поэзіей. Знаете, какъ Вѣра въ «Фаустѣ» Тургенева.

Др. Стало быть вы не жили, а прозябали?

Вѣра. Можетъ быть... Вы познакомили меня съ новыми міромъ... Мнѣ по душѣ ваша скорбная, негодующая муза... Я даже сама начала писать.

Др. Я очень радъ, но...

Вѣра. Зачѣмъ же увѣжать, когда мы всѣ такъ хорошо проводимъ здѣсь время?..

Др. Извольте, я остаюсь. Но въ награду за это, познакомьте меня сейчасъ-же съ первой пробой вашего пера.

Вѣра (*протыкая ему руку*). Благодарю васъ. Я пойду принесу; они у меня заперты

подъ сенью заповѣдными заканами: боюсь вандализмъ!

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Дроздовъ (*одинъ, вынимаетъ изъ бокового кармана книжку*). Интересно бы знать—кто мнѣ прислалъ эту книгу? Заказной бандеролью, да еще съ поимѣнками красныхъ карандашей, чтобъ я хорошенько замѣтилъ всѣ стрѣлы, направленные противъ насъ. Возникъ наприм., хотя бы это мѣсто: *) «Скорбная поэзія есть безспорно болѣзнь; эта болѣзнь могла привиться только къ слабымъ талантамъ. Дѣйствительно сильная натура, явись она среди нашей молодежи, покончила-бы сразу съ этими пѣснями гнѣва и печали и обратилась бы къ живому источнику жизни, которая давно ждетъ новыхъ истолкователей и живописцевъ». И вотъ такъ всегда! Ни одного слова одобренія! только порицанія! Мы плачемъ, насъ хотятъ заставить смѣяться! Изволь работать при такихъ условіяхъ!

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Дроздовъ и Женя.

Женя (*вбѣгая*). Илья Сергѣевичъ, куда Вѣра исчезла?

Др. Вѣра Петровна пошла къ себѣ, она сейчасъ придетъ.

Женя. Вотъ бы ей послушать, какъ Владиміръ Львовичъ съ ребятами занимается!

Др. Затѣй?

Женя. Затѣй, что надо учиться у него заниматься съ дѣтьми.

Др. Скажите, я и не подозревалъ за Володкой педагогическаго таланта.

Женя. Правда, у насъ теперь столпотвореніе въ классѣ, дисциплина немножко пострадала, но за то это жизнь, настоящая жизнь,—у ребятшекъ отъ восторга глазенки разгорѣлись!

Др. Чѣмъ-же это Володка такъ магически на нихъ подѣйствовалъ?

Женя. Тѣмъ, что сдѣлалъ затронуть въ нихъ поэтическую жилку.

Др. Какимъ образомъ?

Женя. Сталъ онъ имъ читать стихотвореніе Майкова: „Сѣнокосъ“. Они понимаютъ это, чувствуютъ... сами захотѣли выучить наизусть. А потомъ, какъ онъ сказалъ, что вотъ, молъ, дѣти, я—городской житель, на сѣнокосѣ не довелось имъ бывать, расскажите, какъ это все бываетъ! Тутъ и пошли всѣ... на перебой кричать... Глядишь—то у одного, то у другого, такъ и вырвется искорка настоящей поэзіи!

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Тѣ же и Брянскій (*окруженный шумящими и болтающими дѣтьми*).

Брянскій. Тише, ребята, не шумите! Я хочу

*) „Очеркъ поэзіи гнѣва и скорби“ профессора Котляревскаго.

распустить ихъ, Евгенія Петровна, если позволите.—Очень имъ ланить на сѣнокосѣ.

Женя. Идите дѣти, довольно на сегодня. Смотрите: завтра опять надо учиться! (*Уходитъ съ дѣтьми, которыя продолжаютъ болтать.*)

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Дроздовъ и Брянскій.

Др. Молодецъ, Володка, молодецъ,—еще одинъ талантъ,—поздравляю тебя!

ЯВЛЕНИЕ 24-е.

Тѣ же и Вѣра.

Вѣра (*тихо Дроздову*). Я принесла.

Др. (*ей тихо*). Я весь къ вашимъ услугамъ.

Вѣра (*читаетъ по листку*).

Дорога дальняя, дорога сорная
Лежить уныло предо мной...

ЯВЛЕНИЕ 25-е.

Тѣ же и Щераловъ.

Щер. (*подходя къ Брянскому съ одной стороны*). Солнышко и дѣвушки на полѣ меня вдохновили... Я сочинилъ стихи и потихоньку отъ Пети направился сюда... Можно вамъ прочесть?

Бр. Пожалуйста.

ЯВЛЕНИЕ 26-е.

Тѣ же и Вася.

Вася (*подбѣгая къ Брянскому съ другой стороны*). Владиміръ Львовичъ, голубчикъ, я убѣждалъ безъ спросу отъ папы... пока онъ меня не хватится, а вамъ прочту мои новые стихи. (*Читаетъ по листку*).

Утромъ лѣтней порой,

Какъ пріятно въ лѣсахъ...

Щер. (*перебивая его, читаетъ по листку*).

На небѣ солнышко сіяетъ,

По полю дѣвушка гуляетъ...

Вася. (*перебивая его*).

Утромъ лѣтней порой,

Какъ пріятно въ лѣсахъ...

Щер. Молодой человекъ, позвольте мнѣ первому,—мнѣ будетъ совѣстно, если Петя замѣтитъ мое отсутствіе.

Вася. Нѣтъ, Федоръ Андреевичъ, ради Бога, позвольте прежде мнѣ: вѣдь васъ папа не выдеретъ, а меня выдеретъ, если услышитъ.

ЯВЛЕНИЕ 27-е.

Тѣ же и Чугуевъ.

Чуг. (*входя*). Такъ и зналъ! Весь Парнасъ въ сборѣ—и Васяка по срединѣ! Съ какими наслажденіемъ я отдеру хоть одного доморощеннаго поэта! (*Отходитъ къ дереву, ломаетъ у него вѣтку и очищаетъ ее отъ листьевъ.*)

Вася (*читаетъ съ азартомъ*).

Утромъ лѣтней порой,
Какъ пріятно въ лѣсахъ—
Любоваться зарей
И парить въ облакахъ!
Но осень приближается холодная и
злая,

Кусты ужъ обнажаются,
И дрогну я, мечтая...

Чуг. (*хватая Васю за шиворотъ*).

Вотъ розга приближается
Холодная и злая;
Ужъ Васька обнажается—
И корчится, рыдая!

(*Выпуская Васю и хватаясь руками за голову*). Батюшки!! И я сочиняю стихи?! Сумасшедшій дождь!!!

(*Занавѣсъ.*)

А К Т Ъ II-й.

Также декорация, что и въ первомъ актѣ: на столѣ подъ липами два дачныхъ подстольника. Лунный вечеръ, 1-я четверть луны. Въ первомъ этажѣ дома, съ правой стороны отъ крыльца, растворенное окно въ комнату Жени: у окна письменный столъ и на немъ зажженная лампа.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Дроздовъ и Брянский.

Др. Нѣтъ, Володька, что ты же гонори, а Майковскинъ «Сѣнокосомъ» ты скошилъ прелестнѣйшій цвѣтокъ мѣстной флоры.

Бр. Ахъ, Илья, хорошо бы твоими устами да медъ пить!

Др. Ужъ повѣрь моему опыту. Только, мой другъ, я тебѣ Евгению Петровну безъ борьбы не уступлю. Нѣтъ! Иль со щитомъ, или на щитѣ!

Бр. А какъ же Вѣра Петровна?

Др. Вѣра Петровна? Въ резервѣ... Не достану журавля съ неба, останется синица въ рукѣ—онѣ обѣ богатыя невѣсты.

Бр. Но вѣдь это подло!

Др. Пожалуйста безъ правоченій; оставь ихъ для прописей. Все въ свѣтѣ подло, не нѣтъ-же его передѣлывать. Я могу скорбѣть объ этомъ въ моихъ произведеніяхъ,—и только.

Бр. Но Вѣра Петровна любитъ тебя, твое направленіе въ поэзію... сжилась съ нимъ...

Др. Да, да... она—панихида, настоящая панихида! Это-то именно мнѣ и противно въ ней. То-ли дѣло Евгения Петровна: живчикъ, солнышко ясное! Она всякое нѣтъ съ насъ нигонъ сгонитъ.

Бр. Позволь, Илья, почему-же, въ такомъ случаѣ, ты самъ постоянно ноешь въ своихъ стихахъ?

Др. Почему самъ ноею? По необходимости. Такъ ужъ нынче принято. Вѣдь если не будешь ныть, такъ ни одна женщина и ни одна редакция толстаго журнала на тебя и вниманія не обратятъ.

Бр. Вотъ оно что!

Др. Ноешь еще потому, что ходишь въ долгу, какъ въ шелку... А представь себѣ, если жена начнетъ съ тобой въ одну нѣтъ?! Тогда ужъ не гражданскими слезами заплачешь, а дикими звѣромъ завоюешь!

Бр. Итакъ, ты объявляешь мнѣ войну?

Др. На жизнь и на смерть.

Бр. Но честную, открытую?

Др. Разумѣется.

Бр. Твою руку!

Др. Изволь.

Бр. Въ такомъ случаѣ—прибѣгаю къ оружію.

Др. Что это?

Бр. Я написалъ Евгению Петровнѣ стихи и положу ихъ къ ней на столъ (*Исполняетъ*). Кампанія открыта, до свиданія!

Др. Куда-же ты?

Бр. Своего маршрута противники никогда не объявляютъ другъ другу. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Дроздовъ—одинъ.

Др. Интересно бы знать, чортъ возьми, какіе онѣ стихи настроилъ? Положимъ, я далъ слово вести войну открытую, но à la guerre, comme à la guerre... Лучше прочтешь! (*Идетъ къ окну въ комнату Жени, беретъ со стола стихи и читаетъ*.)

„Полюби ты меня, и мечтами

Залетимъ мы высоко съ тобой!

Полюби ты меня“...

Очень мило... недурная форма... Надо будетъ и мнѣ сочинить ей стихи... Только какъ бы это сдѣлать, чтобъ Володьку за поясъ закнуть? (*Пауза*.) Ва, вотъ мысль! Напишу стихотвореніе совершенно такой-же формы и совершенно такого же разиѣра. (*Кладетъ стихи обратно на столъ въ комнату Жени*.) Конечно, я подведу Володьку, но à la guerre, comme à la guerre... Разбирай потомъ, кто у кого позанимствовалъ. (*Замѣтилъ Женю*.) А, вотъ и мой журавликъ летитъ! Раскинешь сѣти!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Дроздовъ и Женя.

Женя (*говоритъ въ кулису*). Что, вчерашній счетъ тебѣ принести? Сейчасъ, мамочка, я

пойду пончу. (*Вбѣгаетъ слѣва веселая, но при видѣ Дроздова останавливается недо-вольная и говоритъ въ сторону.*) Ну, нар-балась на мировую скорбь!

Др. Каждый разъ, какъ я васъ вижу, Евге-ненія Петровна, мнѣ кажется, что солнышко встаетъ!

Меня. Это при лунѣ-то солнце! Неудачно сказано, Илья Сергѣевичъ.

Др. Какая вы злая! Зачѣмъ вы всегда такъ ядовито мнѣ отвѣчаете?

Меня. Чѣмъ-же мнѣ отвѣчать на заѣзжен-ныя любезности?

Др. Это...

Меня (*перебивая, и въ сѣ тонѣ*). Это не любезность, я говорю, что чувствую.

Др. О, вы читаете въ моемъ сердцѣ, какъ въ своемъ собственномъ!

Меня. И повѣрьте, безъ всякаго желанія съ моей стороны,—я терпѣть не могу читать нелкxую печать.

Др. Опять? И еще ядовитѣе? Стало быть, я по вашему такой нелкій человекъ, что меня и разбирать не стоитъ?

Меня. Нѣтъ, вы мнѣ просто не по глазамъ. Васъ, чтобы узнать, какой вы человекъ на самомъ дѣлѣ, надо разсматривать въ увели-чительное стекло,—а я интересуюсь всегда только тѣмъ, во что могу вглядываться не-посредственно своими глазами. Однако простите, мнѣ некогда. (*Уходитъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Дроздовъ (*одинъ*).

О, для такого журавля надо сѣть покус-нѣе сплести. Скорѣй за дѣло. (*Уходитъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Чугуевъ и Анна Ивановна (*выходятъ слѣва*).

Чуг. Я этого терпѣть болѣе не нахѣренъ. Слышите-ли, Анна Ивановна, не нахѣренъ. Чтобъ завтра-же здѣсь поэтического духа не было!

Ан. Ив. Петруша, Богъ съ тобой! Къ чему такъ горячиться?

Чуг. Довольно-съ! Я долго крѣпился; у меня цѣлый домъ стихъ строчилъ, я только по-сигивался... но теперь, когда заѣзжіе рено-плеты начинаютъ къ нашимъ дочкамъ подъѣз-жать, я этихъ писателей нигонъ отсюда вы-живу!

Ан. Ив. Такъ неужто наши дѣвочки въ нихъ влюблены?

Чуг. Какъ кошки, разумеется. Всѣ эти поэ-тические педагоги и ярые человеконенавистники при лунѣ совсѣмъ очутились! Но лучше всего Зойка!

Ан. Ив. Что такое?

Чуг. Сидятъ они вчера вечеромъ съ Васъ-

кой, или съ господиномъ Василиемъ, какъ она его называетъ, подъ дубомъ, и цѣлуются.

Ан. Ив. Неужели?

Чуг. Да на какихъ небесахъ обрѣтаетесь вы, Анна Ивановна, что ничего не замѣчаете? Я, разумеется, господина Василия за ухо—и лозой, а царю души его, какъ онъ величаетъ Зою, сегодня на хлѣбъ и на воду посадилъ. И это еще въ первую четверть луны! Что-же будетъ при полнолуніи?! Придется всѣхъ въ сумасшед-шія рубашки нарядить, обязательно!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Зоя.

(*Раскрывается одно изъ оконъ нижняго эта-жа, слѣва отъ крыльца.*)

Зоя (*у окна*). Mon cher tuteur, вы все еще сердитесь? Отоприте мнѣ дверь, иначе придет-ся въ окно вымѣзать,—се n'est pas convenable!

Чуг. Ахъ ты, зараза противная! И тебѣ не совѣстно въ глаза смотрѣть?

Зоя. Я виновата передъ вами, mon tuteur, но я увлеклась... вы знаете — первое увле-ченіе...

Чуг. (*перебивая ее*). Mademoiselle Зоя, го-ворю вамъ совершенно серьезно: если вы не будете вести себя такъ, какъ подобаетъ дѣ-вочкѣ вашихъ лѣтъ, я васъ отошлю обратно въ Петербургъ.

Зоя. Нѣтъ, mon tuteur, ради Бога, не от-сылайте! Я исполню все, что вы потребуете, только оставьте меня здѣсь.

Чуг. Все исполните?

Зоя. Рѣшительно все.

Чуг. Прекрасно-съ... Вотъ вы сочиняете раз-личныя пьесы... Напишите-ка такую, чтобъ Васькину дурь къ вамъ, какъ рукой сняло.

Зоя. Мнѣ это будетъ очень тяжело, но я по-старюсь, честное слово постараюсь. Дайте мнѣ только вырваться изъ темницы!

Чуг. (*отдавая Аннѣ Ивановнѣ ключъ*). Поди, Анна Ивановна, выпусти заразу: все рав-но, воздухъ здѣсь уже зачумленъ. (*Анна Ива-новна уходитъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Чугуевъ и Зоя.

Чуг. Видишь, француженка, я вѣрю твоему слову.

Зоя (*пошлая ему поцѣлуй*). Merci, mon tuteur! Къ ужину все будетъ готово! (*Исче-заетъ изъ окна.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Чугуевъ *одинъ*.

Чуг. Ахъ, заболтался я тутъ! Мнѣ вѣдь на-до еще до ужина сегодняшніе счета свести! (*Уходитъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Вася, потомъ Зоя.

Вася (*осторожно входитъ, осматривает-ся*). Никого! (*Увидѣвъ выходящую изъ дому Зою*.) Mademoiselle Зоя!

Зоя. Ахъ, Василь, это вы!

Вася. Я-съ...

Зоя. Я слышала... вы пострадали за меня?

Вася. Пострадалъ.

Зоя. Сколько?

Вася. Я не считалъ.

Зоя (*протягивая ему руку*). Не падайте духомъ!Вася (*цѣлуетъ ей руку*).

Забыто все... я вижу васъ!

Меня объялъ святой экстазъ,

И вновь лечу я на Парнасъ!

Зоя (*вырываетъ руки*). Ну-съ, такъ и лети-те! Желаю вамъ счастливаго пути! (*Убѣгаетъ*.)Вася (*убѣгая вслѣдъ за ней*).

Не будьте-же ко мнѣ жестоки!

Для васъ писалъ я эти строки!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Дроздовъ.

Дроздовъ (*одинъ выходитъ изъ дому*). На-писалъ, конечно! Кажется, вышли не хуже Володькиныхъ. Приобщилъ къ дѣлу. (*Кладетъ свои стихи тоже на столъ въ комнату Жени*.) Теперь, Владимиръ Львовичъ, мы съ вами еще повоюемъ,—и чья возьметъ, неизвѣстно! А пока сдѣлаемъ рекогносцировку въ садъ, должно-быть, непріятель не терзаетъ времени и находится не-далеко отъ Евгениі Петровны (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Женя.

Женя, (*одна, появляясь въ своей комнатѣ*). Да гдѣ-же этотъ противный счетъ? Ужъ не за-несла-ли я его къ себѣ? (*Ищетъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Женя и Вѣра.

Вѣра (*входя слева*). А, ты здѣсь, Женя? Я за тобой. Гуляла, гуляла, да и придумала.

Женя. Что жъ ты придумала?

Вѣра. Ночь чудная... ѣдемъ на мельницу!

Женя. Съ удовольствіемъ.

Вѣра. Зови скорѣй Дроздова и Брянскаго... Къ ужину еще успѣемъ вернуться.

Женя. Сейчасъ, Вѣрочка! Дай мнѣ только счетъ отыскать. (*Продолжаетъ искать у се-бя на столѣ*.)

Вѣра. Врось, Женя, развѣ можно теперь ду-мать о какихъ-то счетахъ!

Женя (*найдя одну записку и развернувъ ее*). Что это? Стихи? (*Замѣтивъ вторую и тоже развернувъ*.) И еще стихи.

Вѣра. Что такое?

Женя. Вотъ курьезъ! Представь, Вѣра, я

нашла у себя на столѣ два любовныя стихо-творенія—совершенно одинаковаго размѣра и совершенно одинаковой формы: одно—Брянска-го, другое—мировой скорби.

Вѣра. Чье?

Женя. Ну, разувѣтся, Дроздова. (*Исчо-заетъ изъ окна*.)Вѣра (*въ сторону*). Дроздова—къ ней?Женя (*выходя и смотря на одинъ ли-стокъ*). Милый Брянскій, какая у него искрен-ность, жизнерадостность въ стихахъ! Не то что этотъ человѣконенавистникъ съ своимъ нытьемъ!

„Полюби ты меня—и не подумаю

Заметить мы высоко съ тобой!

Полюби ты меня—я цвѣтами

Уберу“...

Вѣра (*перебивая ее*). Прочти теперь другое.Женя (*отдавая ей другой листокъ*). Проч-ти сама: мнѣ даже читать непріятно.Вѣра (*беретъ листокъ и читаетъ*).

„Полюби ты меня—восхищенный—

Я забуду удары судьбы!

Полюби ты меня—обновленный—

Я воскресну опять для борьбы!“

Женя. Т. е. судьба и борьба обязательны въ каждомъ его стихотвореніи. Вѣрочка, какъ ты думаешь, кто изъ нихъ у кого украсть?

Вѣра (*нервно складывая листокъ*). Ахъ, это пустыня... Дѣло не въ томъ... Мнѣ надо знать правду, одну только правду!Женя. Тише, Илья Сергѣевичъ идетъ сю-да... Я уйду... (*Идетъ въ дверь, затѣмъ возвращается*.) Пожалуйста отдай ему его про-тивныя стихи. (*Уходитъ*.)

- ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Вѣра и Дроздовъ.

Др. (*выходя слева*). Вылѣ въ садъ—ни-кого! Всѣхъ точно понемногу вынесло! (*Увидѣвъ Вѣру*.) Ахъ, Вѣра Петровна! (*Въ сторону*.) Не будете упускать синицы изъ рукъ (*Вѣра*.) Я шелъ за вами, бродить въ чудную лунную ночь такъ тоскливо, дайте мнѣ вашу ручку,—близъ васъ я душу отвожу.

Вѣра. Зачѣмъ намъ уходить? (*Идетъ къ скамейкѣ направо*.) Сядете и побесѣдуете здѣсь.

Др. Сядете, мнѣ съ вами вездѣ хорошо.

Вѣра. Вездѣ? Всегда?

Др. Всегда! (*Садится на скамейку*.)

Вѣра. Какой дивный вечеръ!

Др. Упоительный! Теплота, нѣга въ при-родѣ—и ласка въ вашемъ взорѣ.... Не смот-рите на меня такъ, вы меня съ ума сведете.

Вѣра. Неужели?

Др. Жизнь человѣка вообще бѣдна хороши-ми минутами... но теперь—я, подобно Фаусту, готовъ воскликнуть: „Чудное мгновенье! пре-красно ты! продлись же! постой!“

Вѣра. Вгляните—надъ нами
„Мѣсяцъ двоерогій—съ неба голубого
Засвѣтилъ обложкомъ перстня золо-
того“...

Др. Вѣра Петровна,—молчать выше силъ моихъ. Я скажу вамъ все.... Я долго таилъ свою мечту, хоронилъ ее, какъ сокровище, въ глубинѣ моей души, но...

Вѣра (съ стороны). Онъ говоритъ такъ искренно! Неужели онъ можетъ лгать въ эту минуту? (Ему.) Говорите все, сѣло,—не бойтесь!

Др. Больной душой, истерзанный сердцемъ, истомленный борьбой пріѣхалъ я сюда... Я чувствовалъ себя инвалидомъ въ тридцать лѣтъ... Но здѣсь я встрѣтилъ друга, сестру... Она коснулась любящей женской рукой моей сердечной раны, вдохнула въ меня новыя силы.... Этотъ другъ, эта сестра—были вы, Вѣра!

Вѣра. Я?

Др. Да, вы... Чѣмъ мнѣ васъ отблагодарить?

Вѣра. Искренностью.

Др. И вы можете сомнѣваться въ моей искренности? Вы? Когда я люблю васъ, какъ друга, какъ сестру, какъ женщину! Все слыхлось для меня въ васъ одной!

Вѣра. (съ восторгомъ). Вы любите меня?

Др. Безувно! Полюбилъ только ты меня, моя безцѣнная дѣвушка,—

Полюбилъ ты меня—восхищенный—

Я забуду удары судьбы!

Полюби ты меня—обновленный—

Я воскресну опять для борьбы!

Вѣра (съ стороны). Тѣ же стихи, что и Жень! Какое издѣвательство!

Др. Вѣра Петровна, что съ вами, вы плачете?

Вѣра. Я? Богъ съ вами! Надъ чѣмъ плакать? Смиѣться надо.

Др. Вы какъ будто огорчены?

Вѣра. Нисколько, пошулите. (Отдавая ему листокъ.) Возьмите ваши стихи. Жень просила возвратить вамъ.

Др. Мои стихи? И изъ за такого пустяка вы волнуетесь? Написать одной, сказалъ другой. — Ну, можно-ли быть до такой степени нервной?

Вѣра. Разумѣется не стоитъ волноваться! Вѣрила въ человека безгранично,—разочаровалась въ немъ... Что жъ особеннаго? Вещь — обыкновенная.

Др. Да зачѣмъ же разочаровываться?

Вѣра. Поняла, что любила собственно мою сестру, а мною только гѣшились, играли, берегли, такъ сказать, про запасъ... Но о чемъ же тутъ горевать?

Др. Позвольте, Вѣра Петровна, я никогда и не драпировался въ мантию „рыцаря безъ страха и упрека“,—вамъ угодно было облекать меня въ нее.

Вѣра. Я и не думала искать въ васъ рыцаря, Илья Сергѣевичъ, а просто честнаго человека, да и того не нашла!

Др. Зачѣмъ такъ строго? Я поэтъ, натура впечатлительная, я могу увлечься одной, затѣмъ другой.

Вѣра. Но не двумя сразу, надѣюсь.

Др. Иногда и это случается. Мы не свободны въ нашей волѣ. Кромѣ того, я художникъ *jusqu'aux bouts des ongles*, обожаю все изящное... Любовь понимаю не иначе, какъ среди цвѣтовъ и роскоши... Я бѣденъ самъ, и потому ищу богатую.

Вѣра. Забудьте, Илья Сергѣевичъ, вы доходите до цинизма въ своей откровенности.

Др. Очень можетъ быть... но что дѣлать? Надо любить меня какъ я есть, со всѣми моими малюнькими пороками.

Вѣра. Маленькими пороками!

Др. Да-съ: „Полюбилъ насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбилъ“.

Вѣра. Ужасайте, ради Бога, скорѣй, и чтобъ больше никогда я не видѣла васъ!

Др. Не беспокойтесь, разсѣюсь, какъ туманъ, исчезну, какъ мечта! Разрѣшите только дать вамъ на прощаніе искренній, дружескій совѣтъ.

Вѣра. Что вы можете мнѣ посовѣтовать?

Др. Очень многое, повѣрьте. Спуститесь съ небесъ, Вѣра Петровна, очень неловко и больно падать оттуда на землю. Будьте современны,—и вы будете счастливы! Вы живете не въ эпоху безупречныхъ Готфридовъ и Танкредовъ, а въ девятнадцатомъ вѣкѣ...

Вѣра. Въ сожалѣнію!

Др. Вы можете найти себѣ съ успѣхомъ Ивана, Василия, Николая etc.... etc.... но Танкреда или Готфрида—простите—не найдете никогда. Нынче на нихъ неурожай. Честно мнѣю кланяться! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Вѣра (одна).

Вѣра. (сразу бросается на скамью и горько рыдаетъ; Жень выбѣгаетъ изъ дому).

Жень. Вѣра, голубчикъ! Перестань! Ну стой-ли? Изъ за какой то противной мировой скорби — и такъ разстроивать себя?

Вѣра. Нѣтъ, Жень, дай мнѣ плакать, легче будетъ... Если-бъ ты знала, чего мнѣ стоило сдержаться при немъ,—но онъ не видѣлъ моихъ слезъ...

Жень. И прекрасно, что не видѣлъ; вытри себѣ глаза, и забудь этого человѣка незнакомца, плакать о немъ—слишкомъ большая честь для него.

Вѣра. Ахъ, Жень, вѣдь обидно, больно!

Жень. Полно, Вѣрочка, успокойся! Поидемъ лучше въ комнаты... а то кто-нибудь можетъ придти сюда.

Вѣра. Да, да, пойдемъ, мнѣ необходимо по-
быть одной. (*Уходятъ вдвоемъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Щераповъ—одинъ.

Щер. (*выходитъ съ сѣва съ листкомъ и чи-
таетъ*).

Брожу одинъ по рощицѣ
Со страстию своею;
Зачѣмъ не правлюсь дѣвицѣ
Наружностью моею?
Судьба несправедлива
Устраиваетъ такъ,
Что съ рожницей смазливою
Понравится дуракъ;
А нѣжный, поэтический,
Кто страстию лишь живетъ,
Тотъ страсти вулканической
Отвѣта не найдетъ!

Неужели Евгения Петровна останется равно-
душной къ этимъ стихамъ? Вѣдь на розовой,
раздушенной бумагѣ написаны... Сегодня я
ихъ прочту ей, сегодня-же признаюсь... От-
кладывать больше нельзя—черезъ пять дней
мой отпускъ кончается.

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Щераповъ и Женя.

Женя (*выходитъ изъ дому съ книжкой
въ рукахъ*).

Щер. (*увидя ее*). «Она,—вся кровь во мнѣ
остановилась!» Рѣшительная минута наступи-
ла! Буду смѣль, какъ Наполеонъ,—смѣлость
города и женщинъ беретъ!

Женя (*садится къ столу справа и на-
чинаетъ читать*).

Щер. Ахъ, она кажется читать собралась...
Мѣшать неумѣстно... Читай, моя радость!
Твой Théodore терпѣливъ... онъ подождетъ!
(*Отходитъ на цыпочкахъ въ глубину, за
дерево*).

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Тѣ-же и Брянскій.

Бр. (*входя справа съ книжкой въ ру-
кахъ*). Ахъ, вы здѣсь, Евгения Петровна...

Женя. Какъ видите... (*Въ сторону*.) Ой,
сердце забилось...

Бр. (*въ сторону*). Съ чего бы начать, съ
чего? (*Женя*.) Что вы читаете?

Женя. Пушкина; «Евгения Онегина» пере-
читываю.

Бр. А я цѣлый день не могу разстаться
съ Лермонтовымъ: «Демонъ» не выходитъ изъ
головы.

Женя. Представьте, Владимиръ Львовичъ,
въ законѣ бы настроеніи я не была, Пуш-
кинъ всегда откликнется на него и утѣшитъ
меня.

Бр. Можно присѣсть къ вамъ почитать?

Женя. Пожалуйста, вѣдь вы будете читать
про себя?

Бр. Разумѣется. (*Садится къ столу съ сѣва.*)
(*Пауза. Оба читаютъ.*)

Щер. Зачѣмъ его принесло? только по-
мѣшаетъ мнѣ.

Бр. (*забывшись, читаетъ вслухъ*).

«И входятъ онъ любить готовый,

Съ душой открытой для добра»...

(*Встрѣтивъ удивленный взглядъ Женя
и спохватившись*.) Виновать, ради Бога,
простите!

(*Пауза. Оба читаютъ.*)

Женя (*забывшись, въ свою очередь*).

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?

Въ глуши забытаго селенья

Я никогда-бъ не знала васъ,

Не знала-бъ горькаго мученья»!..

(*Спохватившись*.) Ахъ, извините, я тоже
увлеклась...

Щер. Недурно читаетъ, право; точно въ
драматической школѣ была.

Бр. (*перевернувъ дѣтъ страницы впе-
редъ, читаетъ, глядя на Женю, — ей въ
ответъ*).

«Зачѣмъ, красавица? Увы,

Не знаю! Поломъ жизни новой,

Я все бывшее бросилъ въ прахъ,

Мой рай, мой адъ—въ твоихъ очагъ!»

Щер. Экій простофиля! Сидитъ вечеромъ
tête à tête съ хорошенькой барышней и,
вмѣсто того, чтобы улаживать за нею, онъ
ей «Демона» читаетъ!

Женя (*читаетъ, какъ бы спрашивая
Брянскаго*).

«Кто ты? Мой ангелъ-ли хранитель,

Или коварный искушитель?»

Бр. (*перевернувъ одну страницу назадъ,
читаетъ прямо глядя на Женю, — ей въ
ответъ*).

«Я тотъ, которому внимала

Ты въ полуночной тишинѣ,

Чья мысль душѣ твоей шептала...

Женя (*внезпно перебивая его*). Да вы
это по Лермонтову—или серьезно?

Бр. (*бросаясь передъ Женей на колѣни*).
Женя, голубка, люблю тебя, милая, нечаян-
ная моя!

Щер. Ва, ба, ба! Этого у Лермонтова ка-
жется нѣтъ!!?

Женя (*кладя Брянскому руки на плечо*).
Дорогой ты мой Володя!

Бр. Зоренька моя! Возлѣ тебя я чувствую
силу, огонь, вѣру въ счастье... Люби меня!
Рядомъ съ тобой я ногу ставлю...

Женя (*перебивая его*). Нѣтъ, Володя, оста-
вайся такой, какъ ты есть,—лучшаго мнѣ не
надо! (*Целуетъ Брянскаго*.)

Щер. (*входя изъ глубины*). Позвольте
васъ поздравить, Евгения Петровна...

Женя (*растерявшись*). Какъ, вы были здѣсь? А мы читали...

Щер. И дочитались, какъ я вижу.

Бр. Мы право не виноваты; это все Пушкинъ и Лермонтовъ...

Щер. Молодой человѣкъ, не клеветайте на покойниковъ, ищите хоть этотъ стыдъ!

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

Тѣ же, Чугуевъ и Зоя.

Чуг. (*таща за собой Зою*). Иди, иди, зараза! Написала, такъ и читай! Не упрямься!

Зоя. Да, написала, но чего нѣтъ это стоило! Какіхъ нравственныхъ усилій надъ собою!

Чуг. Ладно, ладно, извольте читать. Господа, сей юный драматургъ, уединившись въ павильонѣ, уже написалъ новую пьесу,—и я прошу автора прочесть ее намъ.

Бр. Какъ, mademoiselle Зоя написала новую пьесу? Вотъ интересно!

Женя. Какъ, Зояка написала новую пьесу? Вотъ интересно! Я пойду позову! всѣхъ слушать (*уходитъ*).

Чуг. Главное разици ты имѣешь Васю. Впрочемъ, онъ можетъ быть гдѣ-нибудь недалеко... (*Ударяя съ ладони.*) Эй, господинъ Basile! Скорѣй сюда! Царица вашей души желаетъ васъ видѣть.

ЯВЛЕНИЕ 19-е.

Тѣ же и Вася.

Вася (*скомбуженно вымываетъ изъ за дерева*).

Чуг. Ахъ, милости просимъ! очень пріятно! Сюда, сюда—поближе къ вашей! царичъ—здѣсь ваше мѣсто.

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Тѣ же, Женя, Вѣра и Анна Ивановна.

Чуг. Ну, всѣ въ сборѣ! Зараза, читай!

Зоя. Вы заставляете—я повинуюсь: я готова на все, чтобы только не убѣжать отсюда. Mesdames, mesieurs, я написала новую пьесу—и прошу вашего благосклоннаго вниманія.

Всѣ. Мы слушаемъ, мы ждемъ.

Зоя. Ея заглавіе... ея заглавіе:—«Подсмотрѣнный подслушанъ или Наказанный шпильникъ».

Вася (*вскочивъ*). Mademoiselle Зоя, остановитесь! Ни слова больше! Или я за себя беру!

Чуг. (*смысловъ*). Ай, ай, ай! На ворѣ шапка горитъ!

Вася. Я для васъ, mademoiselle Зоя, всѣ разицы русскаго стихосложенія выучилъ, а нѣтъ было это очень трудно: у меня нѣтъ русскаго языка двойка. Я объяснялся вамъ въ любви яблами, хворостомъ, диктантами, анамнестами, анфибрахиями, гексаметрами! И вы же сидите надо мной? Это низко, безчеловѣчно, это... не знаю даже, какъ и назвать.

Зоя (*съ участіемъ, сама чуть не плача*). Monsieur Basile!

Вася. Нѣтъ, нѣтъ... Оставьте меня! (*Вынимая изъ каждаго кармана брюкъ по тетради.*) Напа, тутъ всѣ мои стихи... Сожги ихъ... Я самъ не могу...

Чуг. Давай, на растопку все годится.

Вася. Жестоко это съ вашей стороны, mademoiselle Зоя, очень жестоко! Вы «канонъ положили въ мою протянутую руку!» Теперь ужъ я не напишу больше ни строчки и никогда не повѣрю ни одной женщинѣ! Всѣ вы предательницы! (*Уходитъ съ плачемъ съ дома.*)

Щер. (*уходя за Васей*). Молодой человѣкъ, не плачьте,—все обернется.

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Чугуевъ, Бранскій, Вѣра, Женя, Зоя и Анна Ивановна.

Чуг. Ой, уперли! Не могу! Зараза, поцѣлуй меня! Ловко ты его полоумоса поддѣлал! Да никакъ ты ревешь?

Зоя (*плача*). Я слиткомъ жестоко поступила съ monsieur Basile... Я не королева, злая...

Чуг. Плачь, бѣдный авторъ, оплакивай свое произведение!

Зоя. Отошлите меня, mon tuteur, въ Петербургъ... Я не могу здѣсь оставаться...

Чуг. Ничего, француженка, ляжешь, выплывешь,—авось къ завтрашнему дню и поутишь.

Зоя. Нѣтъ, не поутишь.

Чуг. Затѣмъ отчаиваться? Вотъ милостивъ: образумишься! Я не теряю надежды. (*Уводитъ Дроздова.*) Что это, человѣконенавистникъ въ дорожномъ костюмѣ?

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Тѣ же и Дроздовъ.

Др. Pardon, если я прерву семейную сцену, но позвольте поблагодарить васъ, Петръ Петровичъ, и васъ, Анна Ивановна,—за истинно русское гостепріимство—и попросить у васъ лошадей, чтобы добраться до станціи: я уѣзжаю.

Чуг. Уѣзжаете? (*Въ сторону.*) А, понимаю! Вѣрочка сплавляла его! Не досталась моя упряжка поэту! (*Дроздову съ восторгомъ.*) Дорогой мой! Лошадь? Сейчасъ-же! (*Кричитъ.*) Эй, Постниковъ! (*Дроздову.*) Самую лучшую лошадь вамъ дамъ, стрѣлой дончать!

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Тѣ же и Постниковъ.

Чуг. (*Постникову*). Вели запречь «Вольного» и скажи Филѣтъ, чтобы онъ отвезъ барина, Илью Сергѣевича, на станцію.

Постн. Слушаю, багюшка. (*Идетъ.*)

Чуг. Да собирайте скорѣе съ бѣдливцемъ ужинать! (*Постниковъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 24-е.

Чугуевъ, Дроздовъ, Брянскій, Жена, Вѣра, Зоя и Анна Ивановна.

Бр. (тихо Дроздову). Что, братъ, журавля не поймалъ?

Др. Нѣтъ, — и синица улетѣла. Придется прибѣгнуть къ послѣднему резерву.

Бр. Къ какому?

Др. Къ старымъ дѣвамъ. (Обращаясь ко всѣмъ.) Простите, если я удалюсь, но мнѣ надо еще кое-что уложить.

Всѣ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь! (Дроздовъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 25-е.

Чугуевъ, Брянскій, Жена, Вѣра, Зоя и Анна Ивановна.

Чуг. Слава Богу, — вывелся человѣковенавистникъ! Какъ гора съ плечъ свалилась; даже аппетитъ явился! Ѡаддѣвна, Постниковъ, ужинать!

Бр. Петръ Петровичъ, Анна Ивановна, ниѣю честь просить у васъ руки Евгениі Петровны.

Чуг. Чортъ знаетъ! Попалась таки моя доч-

ка въ лапы поэта! Ну берите ее, и Богъ съ вами!

Жена (бросаясь къ отцу съ одной стороны). Папочка!

Бр. (бросаясь къ Чугуеву съ другой стороны.) Петръ Петровичъ, голубчикъ! Я вашу доброту въ стихахъ прославлю!

Чуг. Нѣтъ, пожалуйста не дѣлайте этого, не компрометируйте меня.

ЯВЛЕНИЕ 26-е.

Тѣ же, Щераповъ, Вася и дѣвушка (съ подносомъ на которомъ стоятъ бокалы съ шампанскимъ).

Щер. Господа, я предвидѣлъ развязку и заранѣе приготовилъ шампанское. Просту взять бокалы. (Всѣ берутъ бокалы.)

Щер. (поднимая бокалъ). Евгениі Петровна:

Мы всѣ съ бокалами въ рукахъ,

Съ великой радостью въ сердцахъ...

Чуг. (перебивая Щерапова). Нѣтъ, ради Бога, безъ стиховъ — я кусаться начну! (Подымая бокалъ.) За здоровье нарѣченныгъ — ура!

Всѣ. Ура!

(Общее чоканье).

